

МЫСЛЯЩАЯ РОССИЯ

История и теория интеллигенции и интеллектуалов

Под редакцией
Виталия Куренного

Редакционный совет
**ЕЛЕНА КОЗИЕВСКАЯ,
ВИТАЛИЙ КУРЕННОЙ,
ЕЛЕНА ЯЦЕНКО**

Некоммерческий фонд
«НАСЛЕДИЕ ЕВРАЗИИ»
Москва, 2009

Виталий Куренной

КАРЛ МАНХЕЙМ

Карл Манхейм (1893–1947) — венгерский интеллектуал еврейского происхождения, биография которого тесно вплетена в основные социально-политические катаклизмы Европы первой половины XX века. Его жизненный путь можно подразделить на три периода: венгерский (до 1919 года), германский и британский, который начинается в 1933 году и продолжается до конца его жизни¹.

В 1917 году Манхейм защищает в Будапештском университете диссертацию по философии, посвященную структурному анализу теории познания². Помимо академической деятельности Манхейм был вовлечен в интеллектуальную жизнь двух основных венгерских интеллектуальных центров, стремящихся способствовать решительному культурному и социальному обновлению Венгрии. Лидером группы, ориентировавшейся на либеральный образец, был Оскар Яжи, вторую возглавлял Георг Лукач. Манхейм взаимодействовал с обоими направлениями, не примыкая решительно ни к одному из них. В годы революции либеральное правительство, в которое входил Яжи, сменилось советским, в котором культурную политику определял Лукач, окончательно перешедший на коммунистические позиции. Политически Манхейм симпатизировал скорее Яжи, признавая в то же время высокий интеллектуальный авторитет Лукача.

После того как Венгерская советская республика была ликвидирована, Манхейм перебирается в Германию. Немецкая академическая среда была ему уже знакома: в частности, во время семестровой

¹Подробнее о биографии и эволюции взглядов Манхейма см.: *Кеттлер Д., Мейя Ф.* Карл Манхейм // *Немецкая социология*. СПб: Наука, 2003. С. 275–288; *Кеттлер Д., Мейя Ф., Штер Н.* Ранние культурно-социологические работы Карла Манхейма // *Манхейм К.* Избранное: Социология культуры. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. С. 473–494. См. также сжатый очерк: *Малинкин А.* О Карле Манхейме // *Манхейм К.* Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994. С. 671–674.

²*Мангейм К.* Структурный анализ эпистемологии. М.: ин-он РАН, 1992. С. 11 (Сокращенный перевод работы.) В диссертации ретроспективно можно вычитать формулировку проблемы, которая объясняет последующее смещение фокуса интересов Манхейма с философии на социологию знания, поскольку он признает, что

выбор той или иной интерпретации теоретико-познавательной системы связан с факторами, лежащими за пределами самой системы и внутренней проблематики теории познания. В диссертации это поясняется весьма кратко: выбор одной из трех дисциплин, задающих характер соответствующей интерпретации системы эпистемологии (психология, логика или онтология), «был связан с различными „философскими“ уклонами в различные эпохи» (*Мангейм*. Указ. соч. С. 16). Не отрицая наличие у теории познания собственной, нередуцируемой проблематики, Манхейм, однако, признает, что различные способы решения этой проблемы зависят от внешних факторов: «Эпистемологический поиск... не есть поиск надсистемный, поскольку не может быть такой вещи, как полностью обособленное мыслящее создание» (Указ. соч. С. 36).

стажировки в Берлине наставником Манхейма был Георг Зиммель. С 1922 года Манхейм устраивается в Гейдельберге, в этом же году он женится на Юлишке Ланг, также венгерской беженке. Здесь он в качестве докторанта Альфреда Вебера готовит и защищает в 1925 году диссертацию, в которой анализирует консерватизм с позиций социологии знания³. Манхейм, несмотря на критику его диссертации А. Вебером (расценившей ее как «исторический материализм»), остается в Гейдельберге в качестве приват-доцента, пока, наконец, в 1930 году не получает профессию во Франкфурте. Этому предшествует публикация наиболее известной работы Манхейма «Идеология и утопия» (1929), вызвавшей широкую дискуссию 1929–1930 годов, в которой участвовали, в частности, П. Тиллих, Х. Арендт, Г. Маркузе, Г. Шпайер. Во Франкфурте Манхейм фактически не контактирует с Институтом социальных исследований⁴, ограничиваясь коммуникацией с кружком религиозных социалистов Тиллиха. В этот период его ассистентом является Норберт Элиас, готовивший вторую диссертацию под руководством Манхейма. В 1933 году Манхейм, отстраненный как еврей от преподавания, получает место доцента в Лондонской школе экономики. С 1941 года он перебирается в Институт образования при Лондонском университете, где только в 1945 году получает место профессора педагогики. Этот период отмечен, помимо прочего, сложностями вхождения в новое для него институциональное и дисциплинарное пространство, которое не вполне дружелюбно было настроено по отношению к тому типу социологической работы, которую практиковал Манхейм⁵. Классическая интерпретация, на длительный период определившая доминирующий способ восприятия идей Манхейма в англо-американской социологии, была дана Робертом Мертоном в 1945 году в работе «Социология знания». Признавая Манхейма крупным социальным теоретиком, он, однако, критикует его работы за перегруженность отвлеченными рассуждениями и призывает к эмпирической конкретизации и уточнению его интуиций. В британский период Манхейм сходится с группой христианских мыслителей «Moot», в которую входил также Т.С. Элиот.

Биографическая траектория Манхейма в германский период позволяет говорить о преобразовании юношеских установок, нацеленных на социально-культурные преобразования, в академическую позицию, дистанцированную от прямых политических выступлений и активности в публичной сфере. За решительным поворотом к академическим

³ Исследовательская программа «социологии знания», в форму которой отлились академические интересы Манхейма, воспринята от Макса Шелера. В своей вступительной речи в должность приват-доцента Манхейм назвал М. Шелера, М. Вебера и Э. Трельча образцовыми представителями немецкой социологии.

⁴ Адорно, Хоркхаймер и Маркузе были наиболее радикальными критиками манхеймовской концепции социального согласия.

⁵ Это был трудный начальный период становления социологии как дисциплины в Англии — Лондонская школа экономики была единственным учреждением, в котором на тот момент существовала кафедра социологии.

занятиям в области социологии знания можно, тем не менее, рассмотреть более широкую интеллектуальную стратегию, в рамках которой научные интересы Манхейма выступают как способ оформления его определенных практических установок средствами социологии. Обращение Манхейма к социологии — это результат поиска адекватного своему времени и собственным возможностям способа влияния на социально-культурную и политическую жизнь. Характерна в этой связи его оценка интеллектуальной ситуации, в которой он оказался в Гейдельберге — сразу после начала германского периода своей жизни, находясь, надо полагать, на жизненном перепутье. Диагностируя интеллектуально-культурную среду Гейдельберга, он замечает, что она располагается между двумя полюсами. Первый из них образуют социологи, воспринявшие импульсы незадолго до этого скончавшегося Макса Вебера, второй — кружок Стефана Георге. Иными словами, «на одной стороне находится университет, на другой — бескрайний мир литературы»⁶. Исходя из своего венгерского жизненного опыта, он пишет: «Кружок Георге... представляет собой продиктованный благими намерениями эксперимент одиноких интеллектуалов, пытающихся разрешить различные проблемы духовной бесприютности... Они обманывают себя, воображая, будто у них есть почва под ногами. Они ушли в себя, укрывшись плащом культуры, и не замечают мира, затерявшись в самих себе. Жизнь в защищенном окрестными холмами Гейдельберге рождает в них ощущение того, что они существуют, что они представляют собой нечто важное и действенное; но как только прогремит гроза, они сразу же станут символами ушедшего века».

В итоге Манхейм избирает научный путь как адекватный ответ на вызовы своего времени, считая академические занятия способом совмещения социально-политической и исследовательской установки: наука понимается им как важнейший инструмент разрешения политических вопросов, позволяющий выйти за узкие границы «общинного мирка интеллигенции»⁷. Социология, таким образом, должна стать инструментом культуры, а социальное знание — инструментом «вмешательства в социальный процесс и его регулирования»⁸. Это соответствует его собственному пониманию специфики современной установки сознания на преобразование мира, «для которой все идеи дискредитированы, все утопии уничтожены»⁹. Опыт непредсказуемости и иррациональности политической жизни Европы стал для Манхейма мотивом реализации научной и практической программы, которую

⁶ Письма из Гейдельберга 1921 года. Цит. по: *Кеттлер Д., Мейя Ф., Штер Н.* Указ. соч. С. 476–477.

⁷ Указ. соч. С. 478.

⁸ Манхейм К. Идеология и утопия // Манхейм К. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994. С. 7–8. (Далее цитируется как иу.) Русский перевод соответствует английскому — расширенно — изданию работы.

⁹ иу. С. 214.

можно проследить на протяжении его немецкого и британского периода. Ее можно свести к следующим основным пунктам. Во-первых, выяснить социальный генезис непримиримых политических идеологий, ограничив тем самым их претензию на безусловность. Во-вторых, сформировать фундированный социологическим знанием социальный консенсус, не впадая при этом в безграничный релятивизм нигилистического толка. Наконец, на основе этого реализовать планируемый социальный порядок в духе свободы, препятствуя саморазрушительным социально-культурным тенденциям современности, формирующим, в частности, политическую склонность масс к формированию авторитарных режимов. Позиция Манхейма в своей последней части может быть резюмирована следующим образом: «Поддержание демократии не может быть предоставлено свободной и незапланированной игре социальных сил и групп в том смысле, как это понимает радикально-либеральное течение мысли. Такого рода „либералистская демократия *laissez-faire*“ всегда содержит в себе опасность превращения в свою тоталитарную противоположность. „Воинственная демократия“, напротив, предполагает „планирование ради свободы“, которое в рамках социального регулирования должно гарантировать достоинства личности»¹⁰. Сказанное не означает, что Манхейм недооценивает негативные последствия распространения в обществе парадигмы управления и планирования. Именно в бюрократизации Манхейм видит одну из главных опасностей, угрожающей «свободному мыслительному процессу», — равно как и группе, поддерживающий этот свободный «интеллектуальный процесс», т. е. интеллигенции¹¹. Против концепций социального планирования (к числу которых можно отнести и концепцию Манхейма) в послевоенный период резко выступил ряд либеральных теоретиков, прежде всего Ф.А. фон Хайек («Контрреволюция науки») и К. Поппер («Нищета историцизма»).

В контексте этой широкой практической и теоретической программы Манхейма, с течением времени изменявшей подходы и акценты, играет заметную роль теория интеллектуалов¹², известная как теория «относительно свободно парящей интеллигенции»¹³. Концепция

¹⁰ Bernsdorf W., Knospe H. (Hrsg.) Internationales Soziologenlexikon. Band 1. Stuttgart: Ferdinand Enke Verlag, 1980. S. 268.

¹¹ См. особенно: Манхейм К. Эссе о социологии культуры // Манхейм К. Избранное: Социология культуры. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. С. 154–158. (Далее цитируется как ЭСК.)

¹² Термины «интеллигенция» и «интеллектуалы» Манхейм терминологически не дифференцирует, мы также используем их здесь как синонимы.

¹³ Понятие всегда используется Манхеймом со ссылкой на Альфреда Вебера. Конкретный источник цитирования не называется — ни у самого Манхейма, ни в доступной нам вторичной литературе о Манхейме. Однако в размышлениях Вебера фигура свободно парящих «духовных слоев» (или «интеллигенции») встречается регулярно, причем из этой позиции вытекают особенности, которые амбивалентно оцениваются Вебером. Ср. в поздней работе 1953 года: «Однако после совершенных с их („духовных слоев“.—В.К.) участием великих преобразований и последовавших за этим социальных дезинтеграциях и политических революциях XIX века

интеллигенции эскизно разрабатывается уже в работе о консерватизме, где проблема интеллигенции вводится в ходе анализа социального субстрата немецких идеологов политического романтизма и консерватизма¹⁴. Говоря о Германии конца XVIII — начала XIX веков, Манхейм определяет эту группу как утратившую связь с собственными «историческими и социальными корнями», не имеющую прочного социального и экономического положения, «неукорененную» в государстве. Нестабильность собственного положения заставляет интеллектуалов постоянно искать более надежное место: «По причине трудностей, связанных с ведением интеллектуалом независимого образа жизни, нет ничего удивительного, что после бурной молодости, проходившей в оппозиции к миру и обществу, человек проявлял тенденции к поиску тихой пристани на постах в бюрократическом аппарате. Биографии большинства литераторов того периода свидетельствуют об этом». Поиск заказчика в лице правительства заставляет их колебаться между Пруссией и Австрией (чем пользовался, в частности, Меттерних, «знавший как пользоваться услугами такого рода»). Социальная неукорененность позволяет интеллектуалам быть «приверженцем любой философии», находить «аргументы в пользу всякого политического дела», которому интеллектуал «служит по случаю». Эту готовность «узаконить любое дело и любые обстоятельства» Манхейм относит к негативным особенностям «свободно парящей» интеллигенции.

К положительно оцениваемым чертам интеллектуалов-романтиков Манхейм относит их способность к широким философским обобщениям исторического процесса («пристрастие к историософским проблемам»), ибо, как он подчеркивает, «чем более сложным предстает социальный процесс, тем нужнее люди, которые в состоянии пролить свет на направление его развития». Подвижность интеллектуалов,

они все больше социально освобождались и, уподобляясь ставшим самостоятельными облакам, возвысились над социальными и политическими членениями общества, — отчасти уже в полном обособлении от этого членения, отчасти еще в известной духовной связи с ним, сохраняя влияние на него» (Вебер А. Третий или четвертый человек. О смысле исторического // Вебер А. Избранное: Кризис европейской культуры. СПб.: Университетская книга, 1999. С. 232). Понимание интеллигенции как наиболее беспокойной и подвижной социальной группы современного общества, со всей отчетливостью заявлено во втором томе работы Вильгельма Генриха Рихля «Естественная история народа как основание немецкой социальной политики», посвященном «гражданскому обществу» (Riehl W. Die Naturgeschichte des Volkes als Grundlage einer deutschen Social-Politik. 2. Bd. Die bürgerliche Gesellschaft. Stuttgart, 1866). Работа впервые была опубликована в 1851 году и за 15 лет выдержала шесть немецких изданий.

Русский перевод вышел в 1883 году (Риль В.Г. Гражданское общество. СПб., 1883). В своих критических оценках «тех, кто сделал из интеллигенции (Intelligenz) профессию», Риль во многом предвещает различные типы критики интеллигенции (включая критику веховцев), а его работа заслуживала бы самого пристального внимания в качестве прототипа многих более поздних социальных концепций интеллигенции. Риль посвящает «пролетариям духовного труда» отдельную главу, анализируя структуру «четвертого сословия» (сословия «наемных работников»). Согласно Рилью, именно пролетарии умственного труда образуют в Германии «борющуюся церковь четвертого сословия», которое «открыто и осознанно порвало с традиционной социальной организацией» (Riehl. Ibid. S. 313).

¹⁴Здесь и далее цитируется: Манхейм К. Консервативная мысль // Манхейм К. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994. С. 622–625.

вытекающая из их социальной неукорененности, обуславливает, в свою очередь, их специфическую «восприимчивость»: «Сами ни в чем не сведущи, но пусть только возьмутся за какое-нибудь дело, пусть только примут чьи-нибудь интересы — и будут разбираться в этом лучше, определенно лучше, чем те, кому эти интересы были навязаны самой действительностью, их социальным положением». Их основная добродетель — не постоянство, а чутье на перемены. Интеллигенты всегда фальшивы, их работы «даже сознательно сфальсифицированы», но их отличает выдающаяся способность: «эти писатели всегда, однако, что-нибудь очень точно подметят». Тем самым они производят специфическую продуктивность политической дискуссии, формируя то, что Манхейм называет «качественным мышлением»: «Без наличия такого слоя социально свободных и независимых интеллектуалов все духовное наполнение нашего становящегося все более капиталистическим общества испарилось бы и остались бы одни лишь голые интересы, поскольку они лежат в основании и идей, и идеологий». Манхейм описывает этот процесс «духовного наполнения» как «нахождение высшего уровня и смысла среди фактов наличной ситуации». Удивительно точную формулировку этой процедуры Манхейм находит в словах Новалиса: «Необходимо романтизировать мир... Придавая благородный смысл тому, что вульгарно, черты таинственности — банальному, знание неизвестного — известному, видимость бесконечности — конечному, я романтизирую мир»¹⁵.

Намного более подробно и структурированно тема интеллигенции развернута в работе «Идеология и утопия», поскольку именно интеллигенция дает обществу людей, «главная задача которых заключается в том, чтобы создавать для данного общества интерпретацию мира»¹⁶. Отправным пунктом работы является краткий анализ перехода от средневекового статичного общества, в котором право на интерпретацию мира было монополизировано кастой священнослужителей, к динамичному современному обществу, в котором место этой касты, тяготеющей к схоластике и удовлетворению собственной потребности в систематизации, занимает «свободная интеллигенция». Представители этой новой группы рекрутируются из постоянно меняющихся социальных слоев и жизненных ситуаций, а способ их мышления «не подвергается более регулированию со стороны какой-либо организации или касты»¹⁷. Свободная интеллигенция становится рупором различных конкурирующих между собой социально обусловленных типов мышления и опыта. Для объяснения динамики интеллектуальной продукции Манхейм использует модель рыночной конкуренции¹⁸, в которой

¹⁵ Манхейм характеризует эту особенность консервативного мышления следующим образом:

«В консервативном сознании... утопия уже с самого начала погружена в бытие» (иу. С. 196).

¹⁶ иу. С. 15.

¹⁷ иу. С. 16.

¹⁸ Рыночная модель используется уже Рилем, который пишет: «Германия производит больше духовного продукта, чем нуждается и способна оплатить» (Riehl. Ibid. S. 313).

интеллектуалы стараются приобрести благосклонность тех или иных общественных групп. Борьба интеллектуалов развеивает иллюзию о том, «будто существует только один тип мышления»¹⁹. Обнаружение этого обстоятельства играет принципиальную роль в процессе демократизации знания, определившего в том числе и политическую динамику современного общества. Этот процесс проходит несколько этапов, каждый из которых отмечен определенным типом компенсации утраченного единого представления о мире в сфере знания²⁰. Первой реакцией было возникновение «теории познания», стремившейся устранить эту неопределенность путем анализа познающего субъекта. Динамика этой дисциплины, а также психологическое, историческое и антропологическое расширение сферы познания обнаружили, что «субъект ни в коей мере не является столь надежной точкой для создания новой концепции мира, как предполагалось раньше»²¹. Современный этап связан с возникновением более глубокого социологического подхода, исходящего из того, что «знание коренится в социальной сфере»²².

Все эти проблемы и споры долгое время оставались уделом узкой группы интеллектуалов, пока рост демократизации не втянул в эту полемику широкие слои общества. Дискуссии на отвлеченные философско-гносеологические темы — это лишь «сублимированная интенсификация и утонченная рационализация того социального духовного кризиса, который по существу охватил все общество»²³. В этой новой демократизированной ситуации произошел специфический сплав политики и науки (в силу тенденции к рациональному обоснованию политических идей), что и позволило также (в рамках критики политических оппонентов) более глубоко проникнуть в экзистенциальные и социальные основы мышления. Их обнаружение первоначально приняло форму разоблачения²⁴, и образцовым примером такого разоблачения является критика идеологии у Маркса.

Общий интеллектуальный кризис, закончившийся полным распадом единой картины мира, резюмируется двумя понятиями, которые

¹⁹ Там же.

²⁰ Позднее (эск. С. 94–98) Манхейм использует несколько иной тип периодизации — по типу социальной самоидентификации индивидов и групп, которая зависит от «природы тех других, глазами которых люди видят себя». Наиболее длительный этап — самоопределение перед лицом Бога, затем следует самоидентификация по отношению к «разуму» (эта модель достигает своего расцвета в эпоху Просвещения). В период Реставрации, наступившей после поражения Великой французской революции, масштабом самоидентификации становится «история». На смену историцизму приходит, наконец, социологический тип самоидентификации — через «определение своего места в существующем

социальном порядке». Социологический тип мышления впервые обнаруживается в полной мере у пролетариата.

²¹ иу. С. 20.

²² иу. С. 34. Это и есть, собственно, подход Манхейма, который определяет основной тезис социологии знания следующим образом: «Существуют типы мышления, которые не могут быть адекватно поняты без выявления их социальных корней» (иу. С. 8).

²³ иу. С. 35.

²⁴ иу. С. 40.

Манхейм выносит в заглавие своей работы, — идеология и утопия. Открытие *идеологии* обнаруживает, что мышление определенных (господствующих) групп таким образом вплетено в их социальную ситуацию, что скрывает действительное состояние общества как от них самих, так и от других²⁵. *Утопия*, напротив, характеризует стиль мышления угнетенных групп, которые заинтересованы в уничтожении и преобразовании существующего общества. Эта установка позволяет им видеть только те элементы общества, которые направлены на его отрицание и предвосхищение изменения существующей ситуации. Два эти понятия, таким образом, во всей полноте обнаруживают современный кризис основ мышления, прежде всего, в политической сфере, побуждая к «безыдейной предвзятости и иррационализму». Однако Манхейм считает, что выход на первый план понятий идеологии и утопии должен побудить нас обратиться к новому рациональному поиску «реальности», выработать комплексное понимание, адекватно отражающее эту ситуацию в целом. Это адекватное понимание не тождественно релятивизму, но представляет собой «динамический реляционизм» — «единственно возможную и адекватную форму поисков выхода в мире, где существует множество видений, каждое из которых, гипостазируя себя в некую абсолютность, со всей очевидностью демонстрирует свой частичный характер»²⁶. Динамический реляционизм не претендует на абсолютное снятие различных перспектив в рамках некоторой законченной системы взглядов, но представляет собой динамическую и историческую систему, требующую постоянных усилий по ее созданию и поддержанию.

Таким образом, Манхейм учитывает марксистское понимание идеологии как совокупности взглядов, являющихся не продуктом реализации осознанных намерений, а продуктом, обусловленным глубинными социальными причинами²⁷. Однако Манхейм осуществляет генерализацию марксистского анализа идеологии, распространяя тезис об идеологической природе также и на комплекс идей мыслителя «социалистически-коммунистического направления», который обычно полагает, что его собственное мышление «совершенно свободно от каких бы то ни было проявлений идеологии»²⁸.

²⁵ Понятие «идеология» конкретизируется Манхеймом в форме противопоставления частичной и тотальной идеологии. Частичная идеология означает недоверие отдельным идеям, ложность отдельных мыслей, обусловленную психологическим интересом (частичная идеология занимает «промежуточное положение между простой ложью и теоретически неверно структурированной точкой зрения» [иу. С. 60]). Тотальная идеология вытекает из всей структуры сознания какой-то группы или эпохи, это определенная система мысли, переживания и интерпретации в целом.

²⁷ Социальная доминанта одится у Манхейма (как и у ~~Макса Шелера~~ в структуре, обусловленной положением индивидов и групп, занимаемых ими по отношению к средствам производства. Он понимает социальное бытие как «исторический жизненный процесс, естественно порождающий из себя „центры систематизации“ — реальные жизненные доминанты, которые могут носить не только экономический, но и, как, например, в Средние века, религиозный или иной характер» (Малинкин. Указ. соч. С. 672).

Понятие «относительно свободно парящей интеллигенции» разрабатывается в главе «Может ли политика быть наукой? Проблемы теории и практики», которая признается большинством комментаторов как полемически направленная против Макса Вебера и его знаменитых работ «Политика как призвание и профессия» и «Наука как призвание и профессия». В этих работах М. Вебер настаивает на несовместимости политики и науки: первая является ареной ценностной борьбы, вторая — ценностно-нейтрального познания. Следовательно, политика не может быть наукой, а к науке не должна примешиваться политика. Для Манхейма, напротив, именно социология знания (или «политическая социология») способна сформировать такое общее понимание ситуации, которое позволит различным политическим силам совместно работать над ее решением. Это вытекает из специфики современной политической и социокультурной ситуации, когда не только проявляется «партийность любого политического знания, но и его *частичный* характер»²⁹. Структурная ситуация современного общества достигла такого состояния, когда «политическая социология как знание о становлении всей политической сферы вступает в стадию своей реализации»³⁰. Это состояние отвечает рациональным методам буржуазно-демократического мышления, используемым для решения социальных конфликтов и «сохраняющим свою действенность... пока вообще будет возможно применение эволюционных методов классовой борьбы»³¹.

Задача интеграции частичного политического знания в рамках социально-научного подхода формулируется Манхеймом как проблема *синтеза*: «Все политические аспекты являются лишь частичными, поскольку история в ее целостности слишком огромна, чтобы, наблюдая с отдельных возникающих в ней позиций, ее можно было бы полностью охватить. Однако именно потому, что все эти аспекты наблюдения возникают в одном и том же потоке исторических и социальных событий, что их неполнота конституируется в атмосфере становящегося целого, дана возможность их противопоставления друг другу, и синтез их является задачей, которая постоянно ставится и ждет своего решения»³². Достигаемые в ходе решения этой задачи синтезы, впрочем, «не абсолютны, а относительны», и «адекватным синтезом может быть лишь динамический, постоянно вновь совершаемый синтез»³³. Частичность партийных мировоззрений, вырастающих из различного социального опыта соответствующих классов и социальных групп, нельзя представлять себе как набор элементов, которые могут посредством простого сочетания образовать некое законченное целое («суммарный синтез»). Различие между ними основано «не только на отборе

²⁹ ИУ. С. 126.

³² ИУ. С. 129.

³⁰ ИУ. С. 127.

³³ Там же.

³¹ Там же.

элементов содержания, но проявляется и в расщеплении аспектов, в постановке проблем, а также в использовании различного категориального аппарата и различных принципов организации материала»³⁴. Тем не менее, Манхейм полагает возможным синтез «стилей мышления», о возможности которого свидетельствует, в частности, история их смешения и взаимопроникновения. Хотя и не уточняет, до какой степени такой синтез возможен.

Если резюмировать обсуждаемый здесь вопрос в более современном социально-философском понятийном аппарате, то можно сказать, что Манхейм со всей радикальностью ставит проблему несоизмеримости *концептуальных схем*³⁵, используемых различными социальными группами, полагая, однако, что сама возможность тематизации этой проблемы, а также исторический опыт говорят о том, что между носителями этих различных концептуальных схем, формирование которых обусловлено социальным опытом их носителей, возможно достижение определенного уровня взаимопонимания. Речь не идет о возможности «точного перевода», поскольку не существует независимого, «абсолютного» критерия их соотнесения, «внешнего» по отношению к отдельным концептуальным схемам (перевод, выражаясь в терминах У.В.О. Куайна, всегда «неопределен»). Однако позиция Манхейма предполагает, что между носителями различных концептуальных каркасов, 1) возможно взаимопонимание, 2) возможно описание этой ситуации в целом за счет расширения «категориального аппарата» нашего мышления и его «формальных средств»³⁶.

В контексте постановки проблемы синтеза возникает, кроме того, вопрос о «носителе синтеза», о социальной группе, которая в силу своего положения в обществе обладает «волей к тотальному синтезу». Такой волей, на первый взгляд, обладают «средние классы», которые в силу своего социального положения «ищут среднего между двумя крайностями»³⁷. Однако буржуазия, выступающая в роли такого «среднего класса», обладает волей лишь к «статичной» форме синтеза, выражающейся в принципе «золотой середины». А такой статичный синтез — это, скорее, «карикатура на подлинный синтез, чем его действительное выражение, так как этот синтез может быть только динамическим»³⁸. К такому динамичному и при этом целостному синтезу может быть способен «только тот слой, который сравнительно мало связан с каким-либо классом и не имеет слишком прочных социальных корней»³⁹. А это и есть «относительно социально свободно парящая интеллигенция».

³⁴ иу. С. 130.

³⁶ Там же.

³⁵ См. анализ этой проблемы, например, в работе: Дэвидсон Д. Об идее концептуальной схемы // Аналитическая философия: Избранные тексты. М.: Изд-во МГУ, 1993. С. 144–159.

³⁷ иу. С. 131.

³⁸ Там же.

³⁹ иу. С. 132.

В работе «Идеология и утопия» Манхейм сразу оговаривается, что не будет входить в сложную социальную проблему интеллигенции, но все же существенно уточняет свою концепцию интеллигенции. Во-первых, он определенно указывает на то, что интеллигенция не является классом и «социология, ориентированная только на классы, никогда не постигнет этот феномен»⁴⁰.

Во-вторых, эта группа обладает собственным типом социальной связи, объединяющим ее в группу. Такой связью является образование: «причастность к одной и той же сфере образованности все более вытесняет различия по рождению, сословию, профессии и имущественному положению, объединяя отдельных образованных людей именно под знаком этой образованности»⁴¹.

В-третьих, в отличие от Макса Вебера, который *нормативно* вменяет высшему образованию ценностную (мировоззренческую и политическую) нейтральность, Манхейм констатирует следующее: «Словные и классовые связи отдельных индивидов полностью тем самым не устраняются, однако своеобразие этой новой основы заключается именно в том, что она сохраняет в своей полифонии многоголосие детерминант, создавая гомогенную среду, в которой могут меряться своими силами эти конфликтующие единицы. Таким образом, современное образование исконно является сферой борьбы, миниатюрной копией борющихся в социальной сфере стремлений и тенденций. В соответствии с этим образованный человек многократно детерминирован в своем духовном горизонте. Следствием полученного образования является то, что он испытывает влияние полярных тенденций социальной действительности, тогда как человек, который не связан в результате полученного образования с целым и непосредственно участвует в социальном процессе производства, воспринимает только мировоззрение определенных общественных кругов, и его действия полностью детерминируются определенным социальным положением»⁴².

В-четвертых, специфика этого слоя интеллигенции, конституируемой современным образованием, состоит в том, что он «постоянно обновляет свой состав, рекрутируя его из своего все расширяющегося социального базиса»⁴³.

В-пятых, метафора «свободного парения» не означает, что интеллигенция «парит над всеми классами в безвоздушном пространстве»⁴⁴. Ровно наоборот: «Он объединяет в себе все импульсы, заполняющие социальную сферу. Чем больше число классов и социальных

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Ив. С. 133.

⁴² Там же.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Такое вульгаризированное понимание широко распространено среди критиков Манхейма, полагающихся главным образом на свою сугубо языковую интуицию. Однако оно совершенно не отражает то содержание, которое он действительно вкладывал в понятие «относительно свободно парящей интеллигенции». В эссе о «Проблеме интеллигенции» Манхейм несколько раз

слоев, из которых рекрутируются различные группы интеллигенции, тем многообразнее и противоречивее по своим тенденциям становится сфера образования, которая их объединяет. И отдельный индивид в большей или меньшей степени испытывает влияние всей совокупности борющихся тенденций»⁴⁵. Тем самым также получает более полную социальную конкретизацию понятие «восприимчивости», использовавшееся в работе о консерватизме. Эта восприимчивость объясняется, прежде всего, специфическим социальным опытом представителей группы интеллигенции.

Перед интеллектуалами в социально-политическом отношении стоит выбор, обусловленный их относительно свободным положением. Они могут или примкнуть к какому-то из борющихся классов, и такие люди «действительно обнаруживаются во всех лагерях»⁴⁶. Или предпринять попытку «понять собственную природу, определить собственную миссию, которая состоит в том, чтобы выражать духовные интересы ценного». Первое решение, однако, не освобождает интеллектуалов «от постоянного недоверия со стороны исконных представителей класса», к которому они примыкают. Этим, кстати, объясняется и «фанатизм радикализировавшихся интеллектуалов»⁴⁷, являющийся «духовной компенсацией» неустойчивости собственных жизненных связей и потребности в преодолении недоверия как по отношению к самим себе, так и со стороны других.

Колеблющийся, нерешительный характер интеллектуала, произвольность его мышления являются следствием той специфической ситуации, в которой он находится: «Часто встречающееся среди интеллигентов „отсутствие твердых убеждений“ — лишь обратная сторона того, что только они и могут иметь подлинные убеждения»⁴⁸.

Исходя из своего специфического понимания «адекватности»⁴⁹, Манхейм полагает, что путь примыкания к другому классу не отвечает собственному социальному положению интеллектуалов, тогда как именно оно и должно достичь «конкретного осознания». Интеллектуалы должны ясно осознать «свое положение и связанные с ним задачи и возможности». Этот путь, считает Манхейм, «имеет отнюдь не

специально уточняет свою позицию по этому вопросу (ср., в частности, Эск. С. 106, 158).

⁴⁵ иу. С. 134.

⁴⁶ иу. С. 135.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ иу. С. 136.

⁴⁹ Быть «адекватным» означает для Манхейма «принимать мир таким, какой он есть», «рассматривая свою позицию в связи с изменением

общего порядка». Наиболее же адекватным взглядом на современный мир является для Манхейма взгляд социологический, поскольку именно эпистемологические инструменты социологии наиболее релевантны нашей действительности. Если использовать по отношению к этой формуле мировоззренческие критерии самого Манхейма, то его собственную позицию следует квалифицировать как консервативную. Ср. сходную аппликацию критериев консерватизма, используемых Манхеймом, по отношению к Л. Витгенштейну: *Блур Дэвид*. Витгенштейн как консервативный мыслитель // *Логос*. 2002. № 5 / 6. С. 47–64.

менее прочные традиции, чем первый путь с его тенденцией к саморастворению интеллигенции в других классах»⁵⁰.

Если интеллигенция в настоящее время не может проводить свою собственную политику⁵¹, то это не означает, что она не может совершать такие действия, «которые имеют исключительно важное значение для всего социального процесса». Эти действия «состоят в первую очередь в том, чтобы в каждой данной ситуации найти ту позицию, которая предоставляет наилучшую возможность ориентироваться в происходящих событиях,—позицию стража, бодрствующего в темной ночи»⁵². Метафора ночного сторожа раскрывается затем как потребность «в общей ориентации и перспективе», вытекающая из особой социальной позиции интеллектуала. Эта потребность вызвана тем, что интеллектуал обладает «значительно большей свободой выбора», чем классы или группы, имеющие ясно выраженные социальные интересы. Постоянная работа над целостной ориентацией и широкой перспективой, в свою очередь, превращает интеллигенцию в специфический «динамический промежуточный слой», который воплощает в себе стремление к «экзистенциальному посредничеству», «к соединению политического решения с предшествующей ему тотальной ориентацией»⁵³. Эта целостная ориентация сохраняется также в том случае, «если интеллектуал примыкает к какой-либо партии»⁵⁴.

Важным штрихом, завершающим конкретизацию понятия «относительно свободно парящей интеллигенции» в работе «Идеология и утопия», является программа институционализации этой посредующей функции интеллектуалов в виде определенного подразделения при учебных заведениях⁵⁵: «Если в соответствии с общей тенденцией времени количество партийных школ будет возрастать, то тем более желательно, чтобы был создан некий форум—будь то в университетах или в специализированных высших учебных заведениях,—где бы изучалась эта *политическая наука высшего типа*. Если партийные школы ориентированы исключительно на тех, чье решение

⁵⁰ иу. С. 137.

⁵¹ А Манхейм полагает, что это именно так, хотя, судя по его формулировке в работе «Идеология и утопия», он допускает возможность такого рода политики.

⁵² Там же.

⁵³ иу. С. 138.

⁵⁴ иу. С. 137.

⁵⁵ Манхейм разбирает и другие известные формы институционализации передачи политических знаний («клубы», «партийные школы» и др.), указывая на их несоответствие текущей социально-политической ситуации. Осторожные реформаторские предложения Манхейма близки идеям Макса Шелера по поводу реформирования немецкого университета. В 1921 году Шелер писал: «Можно было бы еще ввести „Академии политических и социальных наук“; они бы решали задачу, которой у нас, в Германии, так досадно пренебрегают: ставили бы специально-научное знание на службу общественно важных, в особенности политических вопросов современности» (Шелер М. Университет и народный университет // Логос. 2005. № 6. С. 75).

предписано заранее, то новый тип обучения предназначается для тех, кто еще стоит перед актом выбора или решения. Чрезвычайно желательно, чтобы те интеллектуалы, чьи интересы строго обусловлены их происхождением, именно в молодые годы восприняли бы эту концепцию целостности и широкую перспективу»⁵⁶. В практическом плане проект институционализированной «политической социологии» «не диктует решения, а пролагает путь к принятию решений», «бросает свет на такие связи в сфере политики, которые едва ли замечались ранее»⁵⁷. Эта формулировка, однако, является крайне осторожной, что фактически (если мы зададимся вопросом о том, как именно на практике может быть реализован проект предлагаемой Манхеймом «политической социологии») сближает ее с пониманием роли науки в докладе Макса Вебера «Наука как призвание и профессия». Вебер же утверждает: в аудитории «следует, если, например, речь идет о „демократии“, представить ее различные формы, проанализировать, как они функционируют, установить, какие последствия для жизненных отношений имеет та или иная из них, затем противопоставить им другие, недемократические формы политического порядка и по возможности стремиться к тому, чтобы слушатель нашел такой пункт, исходя из которого он мог бы занять позицию в соответствии со своими высшими идеалами»⁵⁸.

В связи с этой темой мы сделаем краткое аналитическое отступление. Краткие указания Манхейма относительно проекта институционализации «политической социологии» в контексте размышления об «относительно свободно парящей интеллигенции» позволяют, на наш взгляд, говорить о том, что группа «свободно парящей интеллигенции» выступает в работе «Идеология и утопия» не просто как «образованная буржуазия» (*Bildungsbürgertum*), но главным образом как *сообщество университетских преподавателей*. Именно это сообщество, согласно институциональным нормам модели университета Гумбольдта, воплощает в себе *свободу, единение и исследование*, а также предполагает наличие среди преподавателей конкурирующих точек зрения. Гумбольдт, впрочем, возлагал заботу об этой конкуренции на государство, не особо доверяя корпоративному духу университетских преподавателей, способных искоренить любое инакомыслие: «Государство должно заботиться только о богатстве, т. е. мощи и разнообразии умственных ресурсов — путем правильного выбора привлекаемых к этому делу людей, и о свободе их деятельности. Свободе же опасность угрожает не только со стороны государства, но и со стороны самих учреждений, которые при своем возникновении приобретают определенный дух и впоследствии склонны подавлять проявление

⁵⁶ иу. С. 138–139.

⁵⁷ иу. С. 139.

⁵⁸ Вебер М. Наука как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 721–722.

инного духа. Государство должно предотвратить и те недостатки, которые могут произрасти отсюда»⁵⁹.

Ряд перечисленных ключевых понятий встречается, например, в следующем рассуждении Манхейма, описывающем условия «динамического синтеза»: «Только в тот период времени и в той стадии наблюдения, которые посвящены размышлениям, может образоваться социологическая и логическая сфера, необходимая для исследовательского синтеза. И только свобода, основанная на возможности выбора, конститутивно присутствующая и после принятия решения, позволяет принять подлинное решение. Только наличие подобного свободно парящего слоя, ряды которого все время пополняются индивидами различного социального происхождения, обладающими различными типами мышления, обязаны мы взаимопроникновением различных тенденций, и только на этой основе может возникнуть намеченный нами ранее, все время заново совершаемый синтез»⁶⁰. Совершенно недвусмысленные указания, позволяющие опознавать в наиболее чистом образце «относительно свободно парящей интеллигенции» именно университетских преподавателей и ученых, сплошным образом рассеяны и в более поздней разработке темы интеллигенции⁶¹. В качестве основного отличительного свойства интеллектуала здесь называется, например, «свободное исследование», наличие постоянного «импульса, побуждающего к постановке вопросов и исследованию». Этот аспект работы Манхейма сам заслуживает того, чтобы стать предметом исследования средствами социологии знания. Манхейм описывает интеллигенцию как широкий исторический и социальный феномен, но при этом мы регулярно опознаем в этом описании ряд черт *идеального типа немецкого университетского ученого*. При этом поразительно, что Манхейм не обращается специально к проблеме университета. Это своего рода «слепое пятно» его анализа интеллигенции, что тем более странно для социологически мыслящего автора, для которого первоочередным предметом рефлексии должно было бы быть *его собственное социальное положение*. Черты университетского преподавателя регулярно проявляются в его описаниях интеллигенции, начиная с перечня профессий, несовместимых с ее ролью: «В высокодифференцированном обществе общее положение вещей становится для большинства индивидов все более непостижимым. Это относится и к человеку, стоящему у сверлильного станка, и к служащему, и к фермеру. Кругозор чиновника и дипломата может охватывать значительную часть социального аппарата, но и они утрачивают контакт с массами, и они видят лишь фрагменты целого. Поэтому вопрос заключается не в том, какие профессии позволяют видеть действительность в полном

⁵⁹ Гумбольдт В. фон. О внутренней и внешней организации высших научных заведений в Бер-

лине // Неприкосновенный запас. 2002. № 2 (2002). С. 7.

⁶⁰ Ив. С. 138.

⁶¹ См. особенно Эск. С. 156–157.

объеме, а в том, какие сегменты общества находятся в диапазоне видимости с данной жизненной позиции. В этом отношении интеллигент имеет известные преимущества. Его потенциальный диапазон шире, и сама его отстраненность помогает ему избегать оптической ограниченности частной профессии и интересов. Интеллигенту не угрожает опасность, подстерегающая практика, склонного воспринимать мир под углом зрения своей профессии или своих частных социальных контактов. Основной род занятий делает интеллигента восприимчивым к стереотипам, скорее маскирующим существующие проблемы, чем обнажающим их. Интеллигент может отказаться от обязательств, сужающих его кругозор и стесняющих его свободу действий»⁶². Здесь об «интеллигенте» и его «основном роде занятий» говорится как о чем-то само собой разумеющимся, но Манхейм ни разу не использует здесь понятия «университетский ученый». В продолжение к только что процитированным словам он пишет: «Склонность интеллигента к утрате связи с реальностью имеет нечто общее с его тенденцией не выходить за пределы своих ученых занятий и общаться лишь с себе подобными», в ссылке уточняя, что хорошим примером такого типа является отец Бенджамина Дизраэли (!). Не менее показательным и следующее описание: «Развитие интеллигенции соответствует завершающей фазе становления социального сознания. Интеллигенция — последняя группа, пришедшая к социологической точке зрения, поскольку место интеллигенции в общественном разделении труда лишает ее непосредственного доступа к какой-либо из значительных и функциональных сфер общества. *Уединенность исследователя и его зависимость от публикаций* (курсив мой. — В.К.) позволяют ему составить лишь вторичное, „не из первых рук“ мнение о социальных процессах. Не удивительно, что эта страта долгое время оставалась в неведении относительно социального характера изменений»⁶³.

На этом мы завершим анализ концепции интеллигенции в работе «Идеология и утопия», оставив без рассмотрения часть, посвященную утопическому мышлению и его динамике, которая, в общем виде, сводится к тому, что в современном обществе интенсивность утопического мышления снижается, политика становится все более «прозаичной»: «В этом находит свое выражение такая установка сознания на преобразование мира, для которой все идеи дискредитированы, все утопии уничтожены. Эту надвигающуюся „прозаичность“ следует в значительной степени приветствовать как единственное средство овладеть настоящим, преобразовать утопию в науку, уничтожить лживые и не соответствующие нашей действительности идеологии. Для того чтобы существовать в полном соответствии с действительностью такого рода, где совершенно отсутствует какая бы то ни было трансцендентность, будь то в форме утопии или идеологии,

⁶²Эск. С. 148–149.

⁶³Эск. С. 102.

требуется, вероятно, едва ли доступная нашему поколению жесткость или предельная, ни о чем не подзревающая, наивность недавно вступившего в мир поколения»⁶⁴.

Наиболее подробно проблема интеллигенции разработана Манхеймом в эссе «Проблема интеллигенции: Исследование ее роли в прошлом и настоящем», входящем в единый цикл «Эссе о социологии культуры», который был создан в начале 1930-х годов — незадолго до эмиграции в Англию. После эмиграции Манхейм дорабатывал текст, но так и не опубликовал его. В английском переводе этот текст был доступен с 1956 года. Тема интеллигенции развернута здесь с максимальной систематической и исторической подробностью, но в целом ее разработка детализирует и уточняет более ранние тезисы Манхейма с привлечением более широкого исторического материала. Эта разработка исходит из того, что «интеллигенция как специфическая группа вообще и интеллигенция, сформировавшаяся после Средневековья, в частности, образуют главный предмет социологии духа»⁶⁵. Здесь же намечается исследовательская программа изучения этого предмета, которая включает в себя следующие «основные вопросы»: а) социальная база интеллигенции⁶⁶; б) ее специфические объединения⁶⁷; в) ее прогрессивная (восходящая) и регрессивная мобильность; г) ее функции в крупном, многосоставном обществе. Анализ этих социальных аспектов позволяет нам до определенной степени понять характер поведения интеллигенции, однако здесь нет каких-то универсальных отношений детерминации. В конечном счете необходимо спуститься на уровень индивидуальной биографии, уделяя внимание большому числу социальных факторов, что в конечном счете признает и Манхейм: «Наиболее важными являются следующие моменты: социальное происхождение индивида, характер конкретной стадии его карьеры в данный момент — вне зависимости от того, находится он на подъеме, переживает период стабильности или испытывает состояние упадка; продвигается вверх в одиночку или в качестве члена какой-либо группы; встречает на своем пути препятствия, мешающие продвижению, или отброшен назад, на исходные позиции; на какой стадии находится

⁶⁴ иу. С. 138.

⁶⁵ Эск. С. 119.

⁶⁶ Этот вопрос важен с точки зрения влияния понимания мотивов выбора мировоззренческой ориентации человека, оказавшегося в группе интеллигентов.

⁶⁷ Манхейм приводит прекрасный исторический анализ различных форм объединений интеллектуалов, включая средневековые объединения каменщиков, менестрелей, духовенства, но также салонов, кофеен, богемных кружков и клубов,

предваряя тем самым исторические изыскания Ю. Хабермаса, направленные на выявление различных форм «публичности». При этом Манхейм подчеркивает принципиальную для интеллектуалов роль малых неформальных объединений: «Между закрытой организацией кастового типа и открытыми свободными группами существуют многочисленные промежуточные типы объединений, к которым могут присоединяться интеллектуалы. Взаимные контакты интеллигенции часто носят неформальный характер, причем наиболее распространенной формой организации является небольшая группа близких по духу людей» (Эск. С. 120).

социальное движение, в котором он участвует: начальной, срединной или заключительной; какова позиция его поколения в отношении других поколений; какова естественная среда его социального обитания; и, наконец, каков тип объединения, в рамках которого он осуществляет свою деятельность»⁶⁸.

С точки зрения эвристической продуктивности размышлений Манхейма для анализа современного положения интеллигенции мы особо выделим его постановку вопроса о *социальной среде обитания интеллигенции*. К сожалению, это едва ли не самая скудная и эскизная часть его работы. Он выделяет три типа такой «среды»: *«локальный, институциональный (или организованный) и обособленный»*⁶⁹. Локальный характерен для небольших сообществ—это своего рода интеллигенция малых городов и региональная интеллигенция, которая «обычно связана с местными органами самоуправления»⁷⁰. Наиболее интересному типу среды обитания—институциональному—Манхейм уделяет совсем немного внимания, упоминая лишь христианство и современные политические партии. Не приводя серьезного обоснования, он утверждает также, что «гуманисты прошлых эпох являют собой другой пример (институционального.—В.К.) сообщества образованных людей, которые действовали в тесной связи с феодальной стратой»⁷¹. Наконец, «обособленный» тип интеллигенции распространен очень широко, но при этом Манхейм замечает, что эта обособленность не является абсолютной (например, большинство журналистов связаны обязательствами, «взятыми на себя прессой»⁷²). Несмотря на краткость и сугубо интуитивный характер, нам представляется, что этот набросок может быть продуктивен для разработки моделей и категориального аппарата для эмпирического анализа современных интеллектуальных групп⁷³.

Если обратиться от намеченной исследовательской программы к основным идеям эссе «Проблема интеллигенции», то следует заметить, что ряд ключевых тем «Идеологии и утопии» здесь исчезают вовсе. Так, мы не встречаем здесь больше идеи «синтеза»—ее место занимает понятие динамичного «интеллектуального процесса», который формируется и в котором принимает участие интеллектуал. Тем самым исчезает даже гипотетическая возможность для развертывания какой-то особой политики интеллигенции как консолидированной социальной группы⁷⁴. Наконец, мы не встречаем здесь и намек на

⁶⁸ Эск. С. 148.

⁶⁹ Эск. С. 145.

⁷⁰ Эск. С. 146.

⁷¹ Эск. С. 146.

⁷² Эск. С. 147.

⁷³ Схожая типология (без влияния Манхейма) была использована для описания «моделей социального действия» в рамках эмпирического исследования интеллектуально-активной группы, представленного в настоящем издании.

⁷⁴ «...Интеллигенция ни в коем случае не является классом, она не может создавать партию и не способна к согласованным действиям. Такие

проект институционализации «политической социологии» в виде особых учреждений при университетах⁷⁵.

Эссе об интеллигенции представляет собой, по сути, ансамбль разных подходов к проблеме интеллигенции, позволяющих автору с весьма разных ракурсов высветить этот феномен. Анализ Манхейма — это сложный фасетчатый взгляд, логика построения которого могла бы стать предметом отдельного исследования. Но здесь мы ограничимся лишь изложением некоторых выводов Манхейма, которые представляются релевантными для тех вопросов, которые сегодня адресуются феномену интеллигенции (релевантность в данном случае не исключает необходимости критического к ним отношения).

В исторической перспективе социальное самосознание интеллигенции является наиболее поздним продуктом становления современного общества. Поскольку все прочие группы и классы имеют четкие социально-экономические интересы, они приходят к такому самосознанию раньше (первым классом, овладевшим «социологическим» самосознанием, был, согласно Манхейму, пролетариат). Интеллигенция, по сути, должна эмансипироваться от того идеологического давления, которое оказывают на нее другие носители социологического самосознания. Эти группы определяют для интеллигенции социальные роли, не соответствующие ее действительному социальному положению. Поэтому интеллигенции приходится преодолевать примерно те же трудности, с которыми связано становление феминизма и молодежных движений⁷⁶. К принятию чуждых их собственной природе социальных интерпретаций мира (к «раболепию») интеллектуалов подталкивает также «ощущение беспомощности, охватывающее их, когда они, волшебники в сфере концепций и короли в сфере идей, сталкиваются с необходимостью установить собственную социальную идентичность. Они обнаруживают, что не обладают ею, и остро осознают это»⁷⁷. Инструментом освобождения от господствующих интерпретаций социального порядка является для интеллигенции «социология знания»⁷⁸.

Интеллигенция не может представлять интереса для политика, ибо не является «классом», социальной группой с понятными и однородными интересами, тогда как «политику мало дела до

попытки обречены на поражение, ибо политическое действие зависит прежде всего от общих интересов, которых интеллигенции недостает в большей степени, чем любой другой группе. Ничто не чуждо этой страте более, чем единомыслие и согласие» (Эск. С. 104).

Манхейм получает во Франкфурте постоянное место профессора, мотив к созданию и легитимации проектов новых учреждений попросту пропадает.

⁷⁶ Эск. С. 98–100.

⁷⁵ Это можно объяснить сугубо социологически: проект нового учреждения, намеченный в «Идеологии и утопии», может быть понят как проявление озабоченности, связанной с чрезвычайной сложностью получения профессуры. Но когда

⁷⁷ Эск. С. 103.

⁷⁸ Эск. С. 102.

своеобразия таких политически неопределенных элементов, поскольку он оперирует ясными реальностями, объединяющими людей или разобщающими их»⁷⁹.

Интеллигенты могут занять сторону любого класса и любой группы, иметь различные профессии, но всегда «вносят в свою профессиональную ситуацию особую мотивацию и специфические установки, которые социолог не может не идентифицировать»⁸⁰. В обобщенном виде эта мотивация интеллигента, проливающая также свет на специфику политического поведения интеллигенции, определяется следующим образом: «полученное образование вооружило его знаниями, позволяющими рассматривать актуальные проблемы с разных сторон в отличие от большинства участников дискуссий, которые видят проблему только с одной стороны. <...> Приобретенные интеллигентом знания делают его потенциально более лабильным. Он легче изменяет свою точку зрения и менее связан односторонней установкой, ибо способен сопоставлять несколько противоречивых подходов к одному и тому же предмету. <...> Способность схватывать различные стороны одной и той же проблемы и легкость, с какой эта личность принимает иные оценки ситуации, позволяют ей чувствовать себя непринужденно в широкой сфере поляризованного общества. Однако это делает ее менее надежным союзником по сравнению с теми, чьи позиции основаны на более ограниченном выборе из всего многообразного спектра явлений, в котором предстает перед ними действительность. Что касается политической деятельности, то интеллигенты не так часто поддаются соблазну голосовать за списки, выдвигаемые теми или иными партиями, и отстаивать привычные программы и кандидатуры, освященные и собственным опытом, и традициями отцов»⁸¹. Манхейм прекрасно отдает себе отчет в недостатках «колеблющегося» характера интеллигенции. Свобода от ограниченных социальных перспектив и отсутствие прямого давления, связанного с необходимостью учета практических последствий своих действий⁸², необходимы для поддержания позиции интеллектуала. Отрицательным же следствием такой позиции является возможность утраты «связи с реальностью»: «Идеи, не встречающие возражений, не способные на ошибку, легко становятся самоцелью и источником опьянения, которому их создатель предается в одиночестве. Мыслитель, чьи сентенции не поддаются опровержению реальными событиями, склонен забывать основную цель мышления — знать и предвидеть, чтобы действовать. Свободное и беспрепятственное мышление временами порождает иллюзию величия, ибо одна лишь способность обмениваться идеями относительно

⁷⁹ Эск. С. 104–105.

⁸⁰ Эск. С. 104.

⁸¹ Эск. С. 105.

⁸² То есть то самое отсутствие «ответственности», которое позднее стало одним из главных критических аргументов Г. Шельски в адрес интеллектуалов.

наиболее острых проблем создает соблазнительную видимость овладения ими»⁸³. В силу этого Манхейм пытается установить условия, при которых интеллигенция, свободная от прямой ответственности за свои идеи (что является необходимым условием ее существования), тем не менее не теряет контакт с реальностью.

Интеллигенция с трудом поддается социологическому определению, и все же ее «социальный тип» может быть определен в силу «характерного отношения к культуре»⁸⁴. Манхейм выделяет четыре таких разновидности.

1. Различие физического и умственного труда. Значение этого фактора, способного придавать типу труда значение социального статуса, уменьшается в современном обществе «с профессиональной специализацией». Здесь тип труда «становится во все большей степени неотъемлемым свойством профессии и все в меньшей мере — символом статуса»⁸⁵.

2. Различие между «свободными профессиями» и «оплачиваемыми профессиональными занятиями». Под первыми понимается занятие «занятие искусством, наукой и религией ради них самих, без вознаграждения». Впрочем, замечает Манхейм, «высокий моральный статус» таким образом понятых свободных профессий очень часто может лишь маскировать тот факт, что «престиж такого труда определяется не материальной незаинтересованностью, а социальным положением, делающим его возможным»⁸⁶.

3. Различие между «образованными» и «необразованными» людьми. Понятие «образованный» (Gebildeten) включает три *взаимозаменяемых* принципа селекции — уровень культуры, служебное и общественное положение и доход⁸⁷.

4. Процесс бюрократизации общества, формализующий признак образованности посредством системы разного рода «свидетельств» (образовательных сертификатов) выдвинул новый критерий — «обладание практическими знаниями».

Свою попытку сформулировать социальные критерии идентификации интеллигенции по типу отношения к культуре Манхейм резюмирует так: «Четыре описанных критерия культурности и образованности соответствуют четырем социальным типам, четко различаемым по их профессиональным характеристикам, поведению и социальной ориентации. Хотя эти типы возникли в разные периоды истории, они до сих пор существуют бок о бок и в современном обществе. Думать, что они не обладают подлинными чертами интеллигенции, было бы ошибочно в той же степени, как и видеть в них единственно возможные

⁸³ Эск. С. 149.

⁸⁶ Эск. С. III.

⁸⁴ Эск. С. 110.

⁸⁷ Здесь предвосхищается идея П. Бурдьё о конвертируемости трех видов капитала — культурного, социального и экономического соответственно.

⁸⁵ Там же.

варианты»⁸⁸. И все же есть одна общая черта, которая объединяет все эти типы, позволяя идентифицировать интеллектуала. Эту черту можно назвать специфической социальной *эксцентричностью* (это наш термин, не использующийся Манхеймом). Интеллектуалы «проявляют в поведении характерные отклонения от образа действий своих собратьев, не занятых интеллектуальным трудом. Этот объединяющий их интерес является альтернативным источником мотивации, в силу которой поведение индивида отклоняется от норм, предписываемых его классовой принадлежностью. Учитель, не принимающий вознаграждения за определенные услуги, тем самым в известном смысле отрекается от своего классового положения конторского служащего, рабочего в белом воротничке. Государственные служащие часто отказываются вступать в профсоюзы во имя престижа, основанного лишь на том, что они разделяют взгляды, присущие их профессии. Амбивалентность образованных индивидов и их отклонение от поведения, предписываемого им классовой моделью, можно объяснить их обособленным дискурсом, претендующим на создание группы единомышленников со специфическим *esprit de corps* и увеличение дистанции между теми, что общаются друг с другом в рамках этого дискурса, и теми, что стоят за его пределами»⁸⁹.

Социальную и культурную роль «образованности» (в широком смысле, включающем все перечисленные типы) Манхейм определяет ключевым для его интерпретации социокультурной и политической роли интеллигенции понятием «*включенность в ситуацию, касающуюся всех нас*»: «„Быть образованным“ означает нечто вроде включенности в ситуацию, касающуюся нас всех, но не оказывающую существенного воздействия ни на кого в отдельности. Познавательный горизонт каждой личности включает по меньшей мере сферу ее действия, в которой она приобретает основы профессиональных знаний. Представления личности о человеческом обществе могут выходить далеко за пределы радиуса ее действий, но никакая профессия и никакое положение в обществе не требуют понимания забот и интересов всех людей. Именно образованный человек сохраняет *en rapport*⁹⁰ к делам всего общества, а не только к своим собственным, и именно в этом смысле можно говорить, что он включен в ситуацию, касающуюся всех нас»⁹¹. Доступ к знаниям является необходимым условием вовлеченности в данную ситуацию. Существует два основных источника знания — континуум повседневного опыта и эзотерические формы знания, которые являются продуктом целенаправленных усилий и культивируемой традиции. В примитивных культурах они образуют единый комплекс, но при возникновении сравнительно сложных социальных структур

⁸⁸ Эск. С. 112.

⁹⁰ Связь, зависимость (фр.).

⁸⁹ Эск. С. 113.

⁹¹ Там же.

обособляются (в том числе социально) и в этом виде доминируют на протяжении длительных исторических периодов (включая существование замкнутой касты священнослужителей, в которую эволюционирует христианская церковь вопреки своей изначальной демократичности). Только в современную эпоху усвоение эзотерических знаний перестает быть сословной привилегией, и становится широко доступным для всех социальных групп.

Это социологическое изменение приводит к разрушению единого мировоззрения, «и авторитарный образ мышления в рамках закрытой схоластической системы уступает место тому, что можно назвать *интеллектуальным процессом*. В своей основе этот процесс состоит в поляризации нескольких сосуществующих мировоззрений, отражающих социальные конфликты и противоречия сложной цивилизации. Современный интеллигент, пришедший на смену интеллигенту, воспитанному на традициях схоластики, не намерен примирять или игнорировать альтернативные взгляды, возможные в окружающем его порядке вещей, а выявляет противоречия и участвует в конфликтах, разделяющих общество»⁹². Таким образом, образованность открывает доступ к современному интеллектуальному процессу, позволяющему интеллектуалам включиться в «ситуацию, касающуюся всех». Интеллектуал оказывается в этой ситуации не благодаря какому-то особому ментальному качеству, но в силу того, что интеллектуальный процесс является объективным социокультурным феноменом современного общества, в котором обнаруживается его подлинная сущность, состоящая в *демократизации культуры*⁹³. Демократизация — это основная тенденция современности, затрагивающая сферу экономики, общества, культуры политики (Манхейм использует в качестве обобщающего немецкое понятие «Geist» — «дух»). Но демократизация — это не только рост автономии, свободы и установления равенства. Своим социально-психологическим последствием этот процесс имеет также утрату «чувства безопасности» и нарастающей «неуверенности»: *«Неуверенность как общая судьба, ставшая в наши дни уделом не только беднейших, угнетенных слоев населения, является одной из характерных черт современной эпохи*. Бывшие элиты могут оплакивать случившееся. Обреченность на неуверенность — это настоящая трагедия. Но она также открывает путь к моральному и культурному росту. Совершенно неправильно интерпретировать крушение прежних иерархий и порядков как симптом морального и культурного упадка. Наоборот, нужно видеть в этом потенциально положительный фактор воспитания человечества. Если общество с жесткой иерархической структурой не может больше обеспечить нам надежную ориентацию и базу для самооценки,

⁹² Эск. С. 115.

⁹³ Проблема демократизации в «Эссе о социологии культуры» посвящена третья часть — «Демократизация культуры».

мы должны принять этот вызов и создать новые модели ориентации, основанные на более глубокой и более подлинной, чем социальная, человеческой правде»⁹⁴. Интеллектуалы, в свою очередь,— это группа, которая является наиболее полным воплощением тенденции к демократизации духа, ибо «их основная черта состоит в том, что *они брошены на произвол судьбы* (курсив мой.—В.К.) и поэтому способны к участию в самых разных социальных движениях, к отстаиванию чужих интересов»⁹⁵. Одна из возможностей, которая обнаруживается именно в современной демократической ситуации, заключается в том, что утрату чувства безопасности, неуверенности, исчезновение безусловной определенности индивиды и группы могут попытаться компенсировать путем антидемократических политических и социальных стратегий—диктатуры, авторитаризма, национализма, стремления к установлению общественной стабильности. Демократизация создает социальные и культурные механизмы, «заставляющие индивида отказаться от своей автономии». Этому тем более способствует то обстоятельство (здесь Манхейм ссылается на Карла Шмитта), что «демократию, как правило, разрушают не антидемократические силы; она терпит крах в результате действия бесчисленных факторов самонейтрализации, развивающихся в рамках демократической системы»⁹⁶. Интеллектуалы могут стать и по факту становятся выразителями также и этих антидемократических тенденций, тем самым, однако, изменяя своей собственной социальной и культурной сущности, заключающейся в том, что они «брошены на произвол судьбы». Тем самым они утрачивают социальную, культурную и идеологическую адекватность, релевантным выражением которой является автономное действие. В таком случае интеллигенция «отказывается от самосознания и от способности действовать своим особым, только ей присущим образом»⁹⁷. Только сохраняя эту адекватность, интеллектуал соответствует типу «относительно свободно парящей интеллигенции», который воплощает в себе общие структурные особенности современного общества как такового.

В этой связи можно отметить, что описание социального типа «интеллектуала» у Манхейма сходно с описанием пролетариата⁹⁸ у Маркса в том отношении, что он также выступает в роли «его (общества.—В.К.) *всеобщего представителя*»⁹⁹. Подобно интеллектуалам, которые, согласно Манхейму, состоят из представителей других классов, будучи их, так сказать, отщепенцами, пролетариат, согласно Марксу, также является продуктом разложения других сословий и классов:

⁹⁴ Эск. С. 228–229.

⁹⁵ Эск. С. 148.

⁹⁶ Эск. С. 169.

⁹⁷ Эск. С. 158.

⁹⁸ В более ранние периоды истории—с другими «передовыми» социально-экономическими классами.

⁹⁹ Маркс К. К критике гегелевской философии права. Введение // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Государственное изд-во полит. лит-ры, 1955. С. 425.

«ибо не стихийно сложившаяся, а искусственно созданная бедность, не механически согнувшаяся под тяжестью общества людская масса, а масса, возникающая из *стремительного процесса* его разложения, главным образом из разложения среднего сословия,— вот что образует пролетариат»¹⁰⁰. Но у Маркса пролетариат— этот «всеобщий представитель» общества, который, эмансипируя себя, эмансипирует все общество («весь народ»),— достигает этой своей цели путем революционного свержения другого класса, который «сосредотачивает в себе все недостатки общества»¹⁰¹. Для Манхейма не существует такого простого манихейского решения— не потому, что такие попытки невозможны, а потому, что они в конечном счете обречены на неудачу в силу неадекватности реальной социокультурной ситуации.

Следует, наконец, обратить внимание на завершающие размышления Манхейма в эссе «Проблема интеллигенции». Здесь Манхейм ставит вопрос о шансах на выживание групп, являющихся «носителями свободного процесса мышления» или «интеллектуального процесса». Он отмечает *историческую хрупкость* этого феномена как такового: «Вполне возможно, что этот процесс, как мы его понимаем, является эфемерным и ограничивается немногими краткими историческими эпизодами. Один из них приходится на период существования свободных городов-государств в Греции, другой, пожалуй,— на непродолжительную фазу истории Рима, и третий— на эпоху, наступившую после Возрождения, но, конечно, не на всю целиком»¹⁰². Фактически интеллектуальный процесс— это «побочный продукт исторического разложения», т. е. разложения социальных порядков, в рамках которых жизнь протекает в соответствии с тем или иным устойчивым регламентом. Такого рода регламентацию Манхейм называет «институциональная культура»: «Либерализм и свободное мышление— лишь эпизоды между периодами институциональной культуры»¹⁰³. Отмечая необходимость расширения бюрократии в современном обществе, он полагает, что именно в ней заключается одна из опасностей современному интеллектуальному процессу— наряду с распространением в политике практики «манипулирования мышлением» и «упадком независимого среднего класса»¹⁰⁴. Этому процессу, полагает Манхейм, интеллигент может противопоставить только следующий образ действий: «Прежде всего пусть он критически оценит пределы своих возможностей и свои потенциалы. Его страта не стоит над партиями и особыми интересами, и никакая политическая программа или экономические обещания не могут сплотить ее в политически активную группу. Единственное, что

¹⁰⁰ Указ. соч. С. 428.

¹⁰³ Там же.

¹⁰¹ Указ. соч. С. 425.

¹⁰⁴ Эск. С. 157. Эти идеи также перекликаются с критикой Ю. Хабермасом факторов, ведущих в современном обществе к сокращению сферы «публичности».

¹⁰² Эск. С. 155.

объединяет эту страту,—интеллектуальный процесс, отмеченный неустанными попытками дать явлениям критическую оценку, установить диагноз и сделать прогноз, определить возможности выбора, если они существуют, понимать и определять характер различных точек зрения, а не просто отрицать или принимать их. Интеллигенты часто пытались отстаивать определенные идеологии с самозабвением людей, стремящихся обрести положение, каким они не обладали раньше. Пытались раствориться в рабочем движении или стать „мушкетерами“ свободного предпринимательства, обнаружив в конечном счете, что потеряли больше, чем надеялись получить. Явное отсутствие социальной идентичности своего места в жизни предоставляет интеллигенту уникальные возможности. Пусть он примыкает к различным партиям, но при этом сохраняет свою собственную точку зрения и не утрачивает своей мобильности и независимости, являющихся его лучшими качествами. Его причастность к различного рода организациям должна стать не источником самоотрицания, а дополнительным стимулом для критического анализа. Бюрократические машины имеют большие возможности для обеспечения нужного им единомыслия и конформизма, но для своего выживания в долгосрочной перспективе они должны также использовать критические суждения, на которые не способно мышление, находящееся под контролем. Иногда демократии проявляют нерешительность из-за недостатка согласованности и единодушия, тогда как диктатуры в конце концов терпят крах ввиду отсутствия независимых аналитиков. Свободное общество не может безнаказанно игнорировать ни то, ни другое»¹⁰⁵.

Если попытаться отнестись к анализу интеллигенции, принятому Манхеймом, исходя из современной ситуации, то можно отметить следующее. Во-первых, мы имеем дело с прогрессирующей деградацией тех социальных порядков, которые для Манхейма все еще представлялись сравнительно устойчивыми,— это, в первую очередь, социальные «классы». Современные интеллектуалы, которые выражают готовность встать на сторону какого-то «класса», испытывают серьезные затруднения в своих попытках обнаружить консолидированную социальную группу такого рода. Во-вторых, уже во второй половине XX столетия в современных обществах прокатилось несколько волн все более широкой массовизации образования. Модель «образованного» человека, обладающего независимым источником дохода (рантье), давно вытеснена на периферию, если не исчезла вовсе,— а это очень важная модель, с которой соотносятся многие размышления Манхейма. В-третьих, несколько последних десятилетий мы имеем дело с масштабным процессом изменения социокультурных и экономических функций знания. Современное общество не случайно называют «обществом знания» (а также «когнитивный капитализм», «постиндустриальное

общество»). Та «образованность», которая позволяла интеллигенции конституироваться в виде определенного социального типа, «относительно» огражденного от непосредственных практических и экономических интересов, в настоящее время, напротив, является важнейшим движущим фактором современной социально-экономической системы. Ее специфика заключается в том, что она все более масштабно подчиняет то, что можно назвать «образованностью» и «интеллектуальностью», целям и задачам различных институтов. Это относится как к экономическим корпорациям, так и к другим институциональным формам — бюрократии, образовательным учреждениям, масс-медиа и т. д. Именно интеллектуальность, понимаемая, правда, весьма инструментально, распознана современным обществом как основной источник динамики и развития. Следствием этого является ее все более глубокая интеграция в структуру современного капитализма. Эти и другие изменения не позволяют считать концепцию интеллектуалов Мангейма вполне адекватной современной социокультурной ситуации, однако она обладает достаточным ресурсом эвристической продуктивности, чтобы выдержать необходимые коррективы.

Литература

Источники

- Мангейм К.* Идеология и утопия // *Мангейм К.* Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994.
- Мангейм К.* Консервативная мысль // *Мангейм К.* Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994.
- Мангейм К.* Структурный анализ эпистемологии. М.: инион РАН, 1992.
- Мангейм К.* Эссе о социологии культуры // *Мангейм К.* Избранное: Социология культуры. М.; СПб.: Университетская книга, 2000.

Вторичная литература

- Кеттлер Д., Мейя Ф.* Карл Мангейм // *Немецкая социология.* СПб.: Наука, 2003. С. 275–288.
- Кеттлер Д., Мейя Ф., Штер Н.* Ранние культурно-социологические работы Карла Мангейма // *Мангейм К.* Избранное: Социология культуры. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. 473–494.
- Малинкин А.* О Карле Мангейме // *Мангейм К.* Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994. С. 671–674.
- Gabel Joseph.* Karl Mannheim and Hungarian Marxism. Transaction Publishers, 1991.
- Hofmann Wilhelm.* Karl Mannheim zur Einführung. Junius Verlag, 1996.
- Kettler David, Loader Colin, Meja Volker.* Karl Mannheim and the Legacy of Max Weber (Rethinking Classical Sociology). Ashgate, 2008.
- Remmling Gunter W.* Sociology of Karl Mannheim. Humanities Press, 1975.